

УДК 81'373

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ИНВЕКТИВНАЯ ЛЕКСИКА»

Д.К. Вахитова, аспирант

Речи человека, как правило, всегда присущи экспрессивность и выразительность, которые отражают его эмоциональный фон, настроение, одобрение или недовольство какими-то явлениями или поступками, в результате чего он дает самую разнообразную оценку событий и фактов окружающей его действительности. В различных ситуациях языковой коммуникации человек может достичь такого пика эмоционального состояния, что перестают действовать любые моральные нормы, в результате чего человек прибегает к использованию лексики, считающейся неприличной. Неприличная или ненормативная лексика существует в каждом национальном языке ввиду того, что представители любой национальности имеют потребность в выражении своих эмоций и чувств, как положительных, так и отрицательных. В связи с этим очевидным является тот факт, что прямое отношение к взаимосвязи эмоций и эмоциональной разрядке человека имеет изучение национальной специфики. Люди различных национальностей воспринимают и постигают одни и те же явления объективной действительности по-разному. Потенциально такого рода ненормативная лексика рассматривается как средство выражения негативной оценки по отношению к другому участнику речевого акта, к самому себе, а также к происходящей ситуации в целом. Как видим, данный пласт словарного корпуса является абсолютно антропоцентричным, т.е. в центре речевого инвективного общения находятся человек, его внутрен-

ний мир, характер, поступки и взаимоотношения с людьми.

В современном языкознании для ненормативной лексики существует специальное определение – «инвектива» или «инвективная лексика».

Справедливо высказывание И.А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «для лингвиста все слова одинаково приличны», которое является центральным при изучении инвективной лексики [Бодуэн де Куртенэ, т.1, 1963].

Развивает эту же мысль один из выдающихся отечественных инвектологов В.И. Жельвис, отмечая, что «браный язык занимает свое место в языке любой культуры, и поэтому исключение его из рассмотрения, конечно, позволяет языку выглядеть более вежливым, но одновременно и увечным, лишенным одной из существенных функций – выражения негативных эмоций в самом крайнем виде. Обидеть человека можно и без применения брани, но именно брань, по определению, составляет список наиболее резких слов во всем национальном словаре. Поэтому сильная эмоция, выраженная относительно вежливо, – это совсем не то, что сильная эмоция, выраженная с помощью сильных же выражений» [Жельвис, 2001, с.9].

По нашему мнению, существуют несколько факторов, которые способствуют проявлению заинтересованности к ненормативному слою языка. Прежде всего, следует отметить социальную причину. Демократизация, которая превалирует в обществе, привела к тому, что многие ограничения в употреблении слов были сняты, в ре-

зультате инвективная лексика проникла не только в разговорную речь людей, но и в публичные выступления, публицистический, а также художественный стили. Вместе с изменениями в языке изменилось и отношение к отклонениям от нормы, которые следует рассматривать не как неразрешенное и запретное, а как параллельное с нормой. Несомненно, это является отражением социокультурных изменений в обществе, а также культурно-антропологического состояния языковых сообществ.

Несмотря на то, что интерес к инвективной лексике существенно возрос, до сих пор отсутствует единое определение понятия «инвективная лексика», так же, как не имеется и единого подхода к ее классификации. Для современных исследователей данного пласта лексики характерно многообразие подходов как в вопросах терминологии, определения источников пополнения вокабуляра, так и в тех аспектах, которые рассматриваются как ведущие.

В сущности, источником пополнения инвективы в целом, и в частности инвективной лексики татарского языка, может служить весь национальный вокабуляр языка, лексические единицы которого способны варьировать свое значение от общеупотребительного до оскорбительного в зависимости от условий и характера речевого общения. К примеру, в татарском языке названия большинства животных могут употребляться в качестве инвективного компонента: *сарык, дуңгыз, сыер, бозау, төлке, кәжә, эт, тавык* и др. Фактически инвективный фонд может обогащаться за счет ряда факторов: переосмысление лексического материала литературного языка, заимствования из внелитературной области языка, главным образом из жаргонов и просторечия, и, наконец, за счет заимствований из других языков.

Рассмотрим определения понятия «инвектива», выдвинутые различными учеными, а также определения, взя-

тые из лексикографических источников. Затронув лексикографию, нельзя не упомянуть высказывание великого языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ: «Та же полная лексикографическая объективность требует внесения в серьезный словарь «живого языка» так называемых «неприличных» слов, «сквернословий», «ругательства», «мерзостей площадного жаргона» и т.д.

Этимология слова «инвектива» восходит к латинскому *invectivus*, что означает «полный выпадов, резкий» [Дворецкий, 1976, с. 552].

В словаре современного английского языка издательства Longman представлена следующая дефиниция: «*Invective – forceful attacking speech used for blaming someone for something and often including swearing*» (гневная речь, выпад, используемый для обвинения кого-либо за что-либо, часто включающий ругательство) [Longman Dictionary of Contemporary English, 2000].

В словаре английского языка издательства Macmillan под инвективой понимается «*insulting language or swearing*» (оскорбительная речь или ругательство) [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2008].

Как видим, согласно английским лексикографическим источникам, центральное место в понятии «инвектива» занимает обвинение или оскорбление кого-либо (*blaming or insulting*).

Инвективная лексика одновременно является объектом исследования для многих дисциплин, что обусловлено объективными причинами, так как в современном обществе вербальная агрессия рассматривается с различных позиций. Так, одним из новых направлений является юриспруденция, ввиду того, что словесное оскорбление может пониматься как посягательство на честь и достоинство человека. Согласно ст. 130 УК РФ под оскорблением понимается «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». «Честь и достоин-

ство – это оценочные и связанные между собой нравственные категории. Отрицать и умалять эти качества другого человека – значит позорить его в представлении других людей» [УК РФ, Кудрявцев, 2005, с.97].

Значительное число судебных дел, связанных с такого рода покушением на личное достоинство граждан, привело к возникновению нового направления в рамках лингвистики, которое называется «юрислингвистика».

Справедливо замечание А.А. Леонтьева, согласно которому «в настоящее время в законодательных текстах нет четкого определения понятия оскорбления, оскорбительности, ненормативности и неприличности, соответственно, возникают большие проблемы при установлении степени вины инвектанта» [Леонтьев и др., 1997, с.3].

Таким образом, в лингвистике, в частности в юрислингвистике, до сих пор отсутствует конкретное определение оскорбления как противоправного деяния. На наш взгляд, разработка единого подхода к определению степени оскорбительности инвективного словоупотребления представляется довольно проблематичной, так как это зависит, прежде всего, от личностного восприятия инвективы объектом оскорбления, также от самой личности инвектанта.

А.А. Леонтьев дал следующее определение инвективной лексики с позиции юриспруденции: «Это слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью» [Леонтьев, 1997, с. 7].

На наш взгляд, наиболее близким к термину «инвектива» является термин «ругательство».

Изучением ругательств занимаются ученые различных областей науки. К примеру, психолог Райнхольд Аман понимает ругательство как вербально-агрессивное действие, которое случается в состоянии возбуждения и вызва-

но чаще всего какой-либо озлобленностью [Аман, 1982, с. 153].

С позиции психолингвистики ругательство понимается как вербальное оружие, которое нацелено на нанесение психологического удара индивиду. В данном случае предпринимаются попытки определить природу и обозначить основные признаки вербальной агрессии, выявить психологические предпосылки ругани, определить взаимозависимость между физической и вербальной агрессией, а также установить взаимоотношение интенций инвектанта и реакций объекта оскорбления [Жельвис, 2001; Шахинский, 1997; Матвеева, 1986; Сухих, Зеленская, 1987].

С точки зрения социолингвистики, ругательства понимаются как определенные социальные знаки, характерные для речи той или иной социальной группы. «Вообще социальное положение говорящего тесно связано с возможностью и желательностью обращения к инвективе. В некоторых культурах эта связь видна особенно хорошо. Например, в большом количестве европейских культур резко снижена лексика знакома любому носителю культуры, но употребляется она, прежде всего, малообразованными слоями [Жельвис, 1990, с. 28]. Ругательства выступают как своеобразный социальный маркер, отличающий «своих» от «чужих» [Жельвис, 1999, с. 60]. Усиление разграничения между «своими» и «чужими» приводит к употреблению негативных оценок в речи, направленных на понижение статуса объекта оскорбления. На самом деле объект оскорбления может и не принадлежать к какой-либо указанной социальной группе, у людей складывается отрицательное мнение об адресате. Отрицательная информация об объекте оскорбления, которая не соответствует действительности, может привести к иска-

жению образа и восприятия личности среди других членов общества, таким образом, понижая ее социальную значимость. Осознание объектом оскорбления того, что его социальный образ искажен, способно причинить моральный урон его чувствам, т.к. индивид ожидал не утрату социальной значимости, а признание со стороны общества. Таким образом, инвективная лексика представляется как закреплённые в языковой системе оценочные стереотипы человека, которые отражают представления общества о человеческих качествах.

Гендерная лингвистика рассматривает и изучает ругательства как характеристики речи представителей того или иного пола или как средство выражения оценочного отношения к противоположному полу [Жельвис, 1990, с.27–28].

В работах Фатимы Зохры Нэджай центральное место занимают гендерные характеристики инвективной лексики. По ее мнению, «язык отражает социальные ценности и категоризирует мир маскулинный и фемининный». Нельзя не согласиться с ее утверждением, что «оскорбительная сила инвективы по-разному действует на мужчину и на женщину» [Nedjai, 2006].

Г.В. Дмитриенко выделяет гендерно-зависимые признаки речи мужчин и женщин. Среди основных признаков речи мужчин можно выделить однообразие приемов при передаче эмоций, употребление нецензурных слов как вводных, однообразие используемых бранных слов и, наконец, преобладание инвектив, а также конструкций, обозначающих действия и процессы. К основным характеристикам женской речи следует отнести гиперболизированную экспрессивность и большую концентрацию эмоционально оценочной лексики. Женщины склонны к интенсификации, и при возникновении необходимости использования инвектив женщины главным образом прибегают к использованию нейтральных слов и эвфемизмов,

что не наблюдается у мужчин, которые чаще используют слова с отрицательной оценочностью, включая инвективную лексику [Дмитриенко, 2007, с.108].

Инвективы могут рассматриваться также с точки зрения лингвокультурологии как носители национальной специфики и знаки культуры – вербальные табу или своеобразные явления антикультуры, которые находят свое выражение в фольклоре и быту. Инвектива, по словам В.И. Жельвиса, носит культурно-обусловленный характер, поэтому соотношение кодифицированный – некодифицированный (разрешенный – неразрешенный) всегда национально специфично [Жельвис, 2001, с.13]. Таким образом, то, что считается кодифицированным в одной культуре, может быть некодифицированным у представителей других культур.

Г.В. Дмитриенко выдвигает схожую с В.И. Жельвисом трактовку понятия «инвектива» с позиции лингвокультурологии: «Это определенный культурно-обусловленный и национально-специфический векторно-направленный континуум вербальной агрессии по отношению к участнику коммуникации, к ситуации, предмету и процессу социально-речевого общения» [Дмитриенко, 2007, с.3].

В.И. Жельвис вводит понятие инвективного континуума, который присущ национальной культуре в целом, но фактически данный инвективный континуум не используется в полном объеме ни одной социальной группой. Как правило, для более образованных слоев некоторые инвективы кажутся крайне резкими, и прибегают к ним относительно редко; те же инвективы для менее образованных слоев кажутся более мягкими, отчего и употребляются гораздо чаще [Жельвис, 2001, с.59].

Материал, исследованный нами, подтверждает наличие инвективного континуума в татарском языке. Данный инвективный список содержит как известные всем оскорбительные,

осуждаемые в большинстве национальных культур слова: *пәри баласы* – чертово отродье, так и относительно приемлемые в зависимости от ситуации общения: *тынгысыз жан* – непоседа, *уйсыз баш* – дурная голова.

Инвектива всегда имеет своего автора и адресата. Исходя из терминологии Н.Д. Голева [Голев, 2000, с.37] автора инвективы мы называем инвектором (оскорбляющим), а адресата – инвектумом (объектом оскорбления).

Оскорбление будет восприниматься таковым только при удовлетворении главного требования: оба говорящих должны четко осознавать нарушение табу. Если человек не знает значения инвективы, то для него оно не является инвективой. Таким образом, оскорбления и ругательства всегда относительно и зависят от многих факторов, поэтому, для того чтобы понять их сущность и эффект, необходимо рассмотреть табу.

В современном обществе ругательства могут быть признаны в качестве табу, т.к. ругательство подразумевается как запрет, налагаемый культурой и обществом. Многие исследователи именно через табу объясняют возникновение современных ругательств [Воркачев, Кусов, 2000, с.90–102; Стернин, 2000, с. 8–10; Аман, 1996, с.190; Claire, 2000, с.2–3]. Табу не имеет никаких мотивов и обязательно к исполнению. Объектами табу могут быть какие-то действия, темы для разговора, а также слова.

Как видим, понятие «ругательство» достаточно тесно связано с понятиями «непристойность», а также «ненормативность», «ненормативная лексика». Ненормативность подразумевает несоответствие нормам литературного языка. В понятие «ненормативная лексика» согласно А.Ю. Позолотину вкладывается два различных содержания. Прежде всего, это слова и выражения, использование которых противоречит морали современного общества. К ним могут относиться как нелитературные, например, из жаргонов и диалек-

тов, так и литературные слова. Но употребление даже литературных слов, к примеру: *сарык* – баран, *дуңгыз* – свинья, *сыер* – корова, в определенном контексте ситуации речевого общения также нарушает нормы общественной морали [Бельчиков, 2002, с.66].

А.А. Леонтьев же приписывает к категории ненормативности только жаргонные и диалектные слова и словосочетания, которые относятся только к нелитературной сфере функционирования языка.

На наш взгляд, оскорбление человека даже вполне литературными словами противоречит нормам морали, поэтому точка зрения Ю.А. Бельчикова выглядит более корректной.

Однако, с другой стороны, еще И.А. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что понятие ненормативности и непристойности крайне относительно. Слова, когда-то «приличные», переходят мало-помалу в разряд «неприличных»; слова же, в былое время производившие впечатление «неприличных», становятся со временем вполне «приличными» членами языкового общества» [Бодуэн де Куртенэ, т.2, 1963, с.237]. Мы разделяем точку зрения Г.В. Дмитриенко, который обосновал относительность данного понятия. Во-первых, оно постоянно меняется с течением времени, во-вторых, оно носит ярко выраженный национально-специфический характер [Дмитриенко, 2007, с.15]. То, что может противоречить нормам общественной морали в одной среде, может быть абсолютно приемлемым в другой. В связи с этим нельзя не согласиться с утверждением В.И. Жельвиса о том, что «не может быть ничего более ошибочного, чем определять норму какого-либо подслоя «со стороны», не пытаясь войти в мироощущение носителей языка этого подслоя... В словаре фермера или батрака могут быть слова, которые он и окружающие воспринимают совершенно спокойно: например, стандартные наименования частей тела животных или соответствующих дей-

ствий – «морда», «брюхо» и т.п. В личном словаре филолога эти же слова выглядят как бесспорные гробианизмы» [Жельвис, 2000, с.74–75]. Таким образом, для определения непристойности и ненормативности, прежде всего, необходимо понять и проанализировать конкретную речевую ситуацию, в которой использованы выражения, рассматриваемые как непристойные.

Несмотря на тот факт, что многие разделы лингвистики посвящены изучению и анализу инвективной лексики, на данный момент лингвистический статус инвектив и ругательств не установлен.

«В качестве лингвистического термина инвективную лексику можно определить как тот раздел общенационального словаря, который, с одной стороны, неcodифицирован (не разрешен к использованию в лингвокультурной ситуации), а в крайней своей части даже категорически запрещен (табуирован); с другой стороны, он должен быть известен всем носителям языка в данной социальной (под)группе» [Жельвис, 2001, с.11].

А.Ю. Позолотин выделяет три подхода к определению инвективы как лингвистического феномена [Позолотин, 2005, с.14–15]:

1. Инвектива приравнивается к ругательству, которая понимается как знак, находящийся за пределами нормативного языка и имеющий устойчивые стилистические маркеры, например, «вульг.», «бран.», «презрит.» [Саржина, 2002, с.37].

2. Инвективой признается любое слово, употребленное с целью оскорбления адресата. С этой точки зрения инвективой считаются все слова, которые могут потенциально оскорбить адресата. Фактически, инвектива признается единицей речи, а не языка. В таком случае даже самое безобидное слово, которое может потенциально оскорбить человека, можно назвать инвективой.

3. Инвективой считается оскорбительное слово в наиболее резкой форме [Стернин, 2000, с.11].

Рассмотрев данные подходы, А.Ю. Позолотин, вслед за И.А. Стерниным, предлагает называть инвективой «ругательство, употребленное в функции оскорбления». Он выдвинул следующее определение инвективы: «Это любое грубое, вульгарное, неcodифицированное, табуированное обозначение человека с оценочной семантикой, которое своей формой или значением может оскорбить объект оценки» [Позолотин, 2005, с.17].

Т. Джей подчеркивает значимость контекста при определении степени оскорбительности слов: «The ultimate decision about the offensiveness of words relies on context» [Jay, 1992, с.13].

Следовательно, в речевой ситуации только контекст может помочь в распознавании оценочности и экспрессивности инвективного компонента в высказывании.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением О.П. Королевой о том, что «инвективность несостоятельна вне контекста данного речевого акта: она определяется через отношение объекта к речевому акту, его участникам или пространственно-временным характеристикам» [Королева, 2002, с.8]. На наш взгляд, это утверждение особенно применимо к лексическим единицам, которые потенциально могут оскорбить или унижить адресата, но по своим семантическим признакам входят в codифицированный пласт языка.

Что касается неcodифицированного пласта, то такого рода лексические единицы содержатся во всех языках. И.А. Стернин обосновывает данное утверждение, приводя следующий пример: иностранцы, изучая русский язык, начинают избегать некоторых слов, т.к. они созвучны с ругательствами в их родном языке. Вышеупомянутое утверждение справедливо и для татарского языка, при изучении которого русские также сталкиваются со словами и словосочетаниями, которые означают ругательства в их родном языке, к примеру, они смущаются при произнесении слова *сука* – плуг.

В.И. Жельвис справедливо говорит о необходимости разграничивать инвективу в широком и узком смысле, тем самым признавая наличие двух трактовок данного термина: «В широком смысле инвектива определяется как любое вербальное проявление агрессивности или стилистически сниженной экспрессивности, оценочности, усилительности, эмотивности и эзотеричности по направлению к участнику коммуникативного акта, включая самого себя (при физическом присутствии или отсутствии других), к ситуации, теме, предмету и процессу социально-речевого общения, вербальное проявление, осуществляемое посредством как литературной, так и просторечной лексики и фразеологии, а в узком смысле – как нарушение этнокультурного социально-этического табу употреблением только субстандартных лексических единиц различной степени этикостилистической сниженности» [Жельвис, 1990, с.7]. Таким образом, в широком смысле В.И. Жельвис отождествляет понятие вербальной агрессии и инвективы. Употребление инвективной лексики может рассматриваться как частный случай агрессии, так как агрессия в целом может проявляться и без использования инвектив.

Следует отметить, что среди исследователей, занимающихся этой темой, отсутствует единство в понимании сущности агрессии в речи, а также в выборе термина для обозначения данного понятия. Главным образом, используют такие термины, как вербальная агрессия, речевая агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия и т.д. К примеру, Б.Я. Шарифуллин выделяет два понятия – языковое насилие и языковая агрессия. Он утверждает, что языковое насилие направлено против

конкретной личности, в то время как языковая агрессия может иметь объект кто и что угодно [Шарифуллин, 2000]. Как при языковой агрессии, так и при языковом насилии неизбежно столкновение с явлениями языковой (речевой, вербальной) инвективности [Шарифуллин, 2005]. Таким образом, данные поведенческие речевые формы могут оказывать отрицательное воздействие на коммуникативное поведение как инвектума, так и инвектора.

На наш взгляд, представляется корректным относить к инвективной лексике все формы вербальной агрессии, которые могут быть направлены как на собеседника (оппонента), так и на человека, не принимающего участия в речевой ситуации общения. Следовательно, инвективное словоупотребление может быть рассмотрено в качестве способа замены реальной агрессии вербальной моделью. Эффект, который создается употреблением инвективной лексики, для инвектора может стать прекрасной возможностью предотвратить или снять агрессию.

С учетом выявленных указанными выше исследователями существенных признаков инвективной лексики мы можем сформулировать нижеследующее определение данному явлению.

Инвектива – это лексическая или фразеологическая единица культурно и национально обусловленного характера, взятая как из кодифицированного, так и некодифицированного пласта языка, употребленная с целью унижения человеческого достоинства в грубой форме, понижения статуса объекта оскорбления, отрицательной оценки как участников и предмета коммуникации, так и ситуации речевого общения в целом, а также потенциально способная оскорбить инвектума.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Б. де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Б. де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

3. *Воркачев С.Г., Кусов Г.В.* Концепт «оскорбление» и его этимологическая память // С.Г.Воркачев, Г.В.Кусов // Теоретическая и прикладная лингвистика. Язык и социальная среда: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 2. Воронеж, 2000. – С. 90–102.
4. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000. – С. 8–40.
5. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь – Текст / И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
6. *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте. Дисс. к.ф.н. – Пятигорск, 2007. – 166 с.
7. *Жельвис В.И.* Об одном виде эвфемистической замены / В.И.Жельвис // Жанры речи: Сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во «Колледж», 1999. – С.281–286.
8. *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И.Жельвис. – М.:Ладомир, 2001. – 349 с.
9. *Жельвис В.И.* Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В.И.Жельвис. – Ярославль: ЯПГИ им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
10. *Королева О.П.* Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала): Автореф. дис. канд. филол. наук / О.П.Королева. – Нижний Новгород, 2002. – 22 с.
11. *Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А.А.Леонтьев и др. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.
12. *Матвеева Т.А.* Лексическая экспрессивность в языке / Т.А. Матвеева. – Свердловск, 1986. – 352 с.
13. *Позолотин А.Ю.* Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: дис. канд. филол. наук / А. Ю. Позолотин. – Волгоград, 2005. – 248 с.
14. *Саржина О.В.* Русская инвективная лексика в свете межязыковой эквивалентности (по данным словарей) / О.В.Саржина // Речевое общение. Специализированный вестник. Вып. 4(12). – Красноярск: Изд-во КрГУ, 2002. – С.35–40.
15. *Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей. Доп. вып. – М., 2000. – С. 97–112.
16. *Сухих С.А., Зеленская В.В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. – Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. ун-та, 1998. – С. 28–42.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учеб./под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунева, А.В. Наумова. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – 543 с.
18. *Шарифуллин Б.Я.* Обсценная лексика: терминологические заметки/ Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: вестн. рос. ритор, ассоциации. – Красноярск, 2000. – № 1(9). – С. 108–111.
19. *Шарифуллин Б.Я.* Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // <http://irbis.asu.ru/mmc/juris/5/12.ru.shtml>
20. *Шахинский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шахинский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.
21. Aman, Reinhold Psychologisch sprachliche Einführung in das Schimpfen Text. / Reinhold Aman // Bayerisch-österreichisches Schimpfwörterbuch. – München, 1982.
22. *Claire, E.* Dangerous English / E.Claire. Santa Rosa, 2000. – 200 p.
23. *Jay T.* Why we curse: a neuro-psycho-social theory of speech / T. Jay. –Philadelphia: John Benjamins, 2000. – 328 p.
24. Longman Dictionary of Contemporary English, 2000.
25. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (Michael Rundell), 2008.
26. *Nedjai F.Z.* Etude sociolinguistique de la perception des insultes en Algérie // Nedjai F. Z. (www.annales.univ-mosta.dz/fr6/nedjai.pdf)

Аннотация

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «инвективная лексика», прежде всего с позиции различных отраслей лингвистики. Подчеркивается значимость контекста и особенностей языковой коммуникации при определении степени оскорбительности слов. В заключении дается определение понятия «инвективная лексика» с позиции автора с учетом выявленных исследователями существенных признаков инвективной лексики.

Ключевые слова: инвективная лексика, лингвистика, оскорбительность, табу.

Summary

The article deals with various approaches to the definition of the term «invective», especially from the angle of various branches of linguistics. The author emphasizes the importance of context and characteristics of language communication in determining the degree of offensiveness of words. In conclusion, the author gives the definition of the term «invective» taking into account the essential features of this layer of the language identified by the scholars.

Keywords: invective, linguistics, offensiveness, taboo.